

К. Г. Никитенкова

Минский государственный лингвистический университет

ГРАММАТИКАЛИЗАЦИЯ ВТОРЫХ ИМЕННЫХ КОМПОНЕНТОВ
СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ
В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Динамика языка подразумевает постоянное превращение лексических единиц в грамматические (словообразовательные). Лексика выступает в качестве главного источника грамматики. В этой связи примечательны слова Т. Гивона: «Сегодняшняя морфология – это вчерашний синтаксис» [1, р. 413]. В рамках настоящего исследования эту идею можно перефразировать и заключить, что сегодняшняя грамматика – это вчерашняя лексика.

Процесс обогащения словарного состава новыми единицами, созданными путем различных способов словообразования, носит перманентный характер для любого языка. Словообразование живет всех остальных уровней многоярусной структуры языка реагирует на изменения, происходящие в окружающем мире, и отвечает практическим потребностям общества созданием новых языковых единиц. Представляется затруднительным назвать язык, в котором словообразовательные ряды, с одной стороны, постоянно не пополнялись бы новыми образованиями, а с другой – не отличались бы выпадением или потерей каких-то составных частей. Система словообразования в целом обладает подвижностью и открытым характером. Как отмечает Е. С. Кубрякова, «словообразование, менее чем какую-либо другую систему, можно представить в виде статической совокупности раз и навсегда данных моделей, застывших в безупречных корреляциях и реализуемых в более или менее объемных словообразовательных рядах» [2, с. 14]. Говоря о способах словообразования с позиции статики–динамики, М. Д. Степанова подчеркивает, что «словосложение <...> относится к одной из наиболее показательных областей движения в строе современного немецкого языка» [3, с. 536].

В словообразовании известным примером динамики является формирование словообразовательных аффиксов из самостоятельных лексем, т. е. процесс грамматикализации. Термин *грамматикализация* впервые был использован А. Мейе, который понимал под данным явлением приобретение самостоятельным словом грамматической функции [4, с. 24]. Позже Е. Курилович уточняет формулировку понятия, данную А. Мейе, и предлагает трактовать грамматикализацию как «расширение сферы употребления морфемы при переходе от лексического к грамматическому или от менее грамматического к более грамматическому статусу, например, от словообразовательного форманта к словоизменительному» [5, с. 400].

Разработка советской теории грамматикализации принадлежит В. М. Жирмунскому. Он описывал грамматикализацию в рамках словосочетаний и отмечал, что она «связана с бóльшим или меньшим ослаблением лексического (предметного) значения одного из компонентов словосочетания, с последовательным превращением его из лексически значимого (знаменательного) слова в полуслужебное или служебное, в котором доминирует грамматическое значение, а всей группы в целом – в аналитическую форму слова» [6, с. 15]. О. С. Ахманова также определяет грамматикализацию как «обобщение, абстрагирование, отвлечение от конкретного лексического содержания» [7, р. 114].

Интерес к описанным выше процессам привел к формированию самостоятельного научного направления, получившего название *теории грамматикализации*. В последние десятилетия данная теория разрабатывается в трудах типологов Кельнской школы (Б. Хайне и Х. Лемана), особенностью которой является двойственный подход к понятию грамматикализации: этот процесс, по их мнению, имеет место как в диахронии,

так и в синхронии. Если понимать процесс грамматикализации в диахроническом аспекте, то это различные стадии данного процесса. Ведущая точка зрения при таком анализе – историческая, т. е. изучение источников грамматических форм и анализ тех этапов их изменений, которым они подвергаются во времени. Как отмечает К. Леман, с диахронической точки зрения, грамматикализация – это процесс, в результате которого лексемы превращаются в грамматические показатели – форманты. С синхронической точки зрения, грамматикализация устанавливает принцип, в соответствии с которым субкатегории данной грамматической категории могут быть упорядочены [8, с. 303]. В последнем случае следует различать единицы языка с разной степенью грамматикализованности. По мнению Н. В. Шершуковой, эволюция грамматики не прекращается даже с переходом некоторой единицы из лексики в грамматику: среди грамматических показателей есть такие, которые являются грамматическими в большей степени (напр., суффиксы) или в меньшей (напр., предлоги) [9, с. 37].

На грамматикализацию как семантическое изменение указывает Т. А. Майсак: «В ходе грамматикализации языковой единицы происходит генерализация значения, которая сопровождается расширением контекстов употребления показателя» [10, р. 40]. В обоих случаях единица эволюционирует от некоторого конкретного лексического значения к показателю обобщенной, абстрактной семантики. Подобное развитие сопровождается утратой наиболее конкретных элементов в значении единицы, происходящим вследствие этого распространением функций единицы на новые контексты и категории и увеличением ее частотности.

Традиционно принято считать, что переход лексической единицы в статус грамматической связан с десемантизацией, т. е. полной утратой значения самостоятельной единицы. Т. А. Майсак с такой трактовкой не вполне согласен: «Значение не утрачивается в буквальном смысле, а претерпевает качественные изменения – <...> можно говорить не об “утрате”, а о “приобретении» нового значения» [Там же, с. 47]. В этой связи некоторые ученые говорят об ослаблении семантического содержания, т. н. семантическом “побледнении” или “обесцвечивании” (*semantic bleaching*) или семантическом “выветривании” [4; 10; 11].

Источником любого аффикса является, по мнению Л. Р. Зиндер и Т. В. Строевой, самостоятельное слово [12, с. 193]. Образование производных слов генетически всегда являлось словосложением. Многие суффиксы (например, *-schaft, -tum, -heit, -bar, -sam*) и префиксы (например, *-er, -ver, -ge, -be, -ent*) современного немецкого языка возникли на базе самостоятельных лексем: «Вследствие видоизменения формы и значения приставок по сравнению с наречиями и предлогами они отрываются от слов, от которых произошли. В итоге первая часть сложного слова превращается в обобщенное по своему лексическому значению словообразовательное средство» [13, с. 33]. По мнению М. Д. Степановой, «такой переход не мог осуществиться внезапно: они в течение долгого времени функционировали

и как словообразовательные средства, и как самостоятельные лексические единицы, следовательно, являлись полусуффиксами. Их окончательный переход в суффиксы связан с исчезновением данных слов из самостоятельного употребления» [14, с. 184–185]. Процесс становления аффиксов на базе самостоятельных слов, т. е. процесс грамматикализации, продолжается и в современном немецком языке. Продемонстрируем результаты этого процесса на примерах конструкций со вторыми переходными компонентами (ВПК) имен существительных и имен прилагательных.

Конструкция [... *-junkie*] характеризуется увеличением серийности за относительно короткий период времени – около 130 единиц, что свидетельствует о расширении контекстов употребления конструкции. С семантической точки зрения ВПК по сравнению с самостоятельной единицей *Junkie* имеет более широкое значение, ср.: *Junkie* ‘in fortgeschrittenem Stadium **drogenabhängige** Person (наркозависимое лицо в прогрессивной стадии) – *-junkie* ‘jemand, der sich **sehr intensiv**, einer Sucht ähnelnd, mit einer Sache befasst’ (кто-л., кто очень интенсивно, активно, подобно наркозависимости, занимается некоторым делом) [15]. Сема ‘очень интенсивно, активно’ эксплицирована в семантике коррелята и наследуется компонентом. Расширение значения ВПК происходит за счет увеличения количества заполнителей объекта «зависимость»: сема ‘наркозависимость’, содержащаяся в структуре значения коррелята, в составе конструкции [... *-junkie*] в результате метафоры переосмысливается, ср.: *Votoxjunkie* ‘человек, активно использующий инъекции ботокса’, *Bücherjunkie* ‘человек, много читающий; книжный червь’, *Fitnessjunkie* ‘человек, активно занимающийся фитнесом’, *Flohmarkjunkie* ‘человек, активно посещающий блошинный рынок’ и т. д.

Формирование словообразовательного значения в результате метафорических процессов характерно и для высокосерийной конструкции [... *-killer*] (362). Сема коррелята *Killer* ‘уничтожать, устранять’ наследуется вторым компонентом *-killer*, для которого релевантным выступает уже не физическое уничтожение человека – убийство, а уничтожение чего-л., какого-л. объекта, явления, процесса, являющегося вредным, опасным и т.п., ср.: *Killer* ‘**jemand**, der **einen anderen** ohne Skrupel [gegen Bezahl lung] umbringt; [bezahlter] Mörder’ (некто, кто за оплату без угрызения совести убивает человека; (оплаченный) убийца) – *-killer* ‘kennzeichnet in Bildungen mit Substantiven **eine Sache, eine Substanz o. Ä.**, die **etwas** zerstört, beseitigt, **für etwas** schädlich ist’ (предмет, субстанция или подобное, которое устраняет, разрушает нечто, является вредным для чего-л.), например: *Bakterienkiller* ‘то, что устраняет, убивает бактерии’, *Schmerzkiller* ‘болеутоляющее, то, что используется от боли’.

В терминах фреймовой семантики фрейм конструкции [... *-killer*] имеет открытый слот «объект: что устранять, уничтожать», который заполняется значениями разнообразной семантики, ср.:

Сравнительная характеристика фреймов «Killer» и «... -killer»

Фрейм существительного <i>Killer</i>		Фрейм ВПК <i>-killer</i>	
Слоты	Заполнители / Языковая фиксация	Слоты	Заполнители/Языковая фиксация
<i>суть:</i> уничтожает, убивает		<i>суть:</i> уничтожает, разрушает, убивает	
<i>субъект:</i> кто, что убивает	<i>jemand</i> ‘кто-л.’, <i>Mörder</i> ‘убийца’	<i>субъект:</i> кто, что убивает	лекарство мед спорт химическое соединение
<i>объект:</i> кого, что убивает	<i>einen anderen</i> (<i>Menschen</i>) ‘другого (человека)’	<i>объект:</i> кого, что убивает	боль → <i>Schmerzkiller</i> бактерии → <i>Bakterienkiller</i> депрессия → <i>Depressionenkiller</i> озон → <i>Ozonkiller</i>
<i>цель:</i>	<i>gegen Bezahlung</i> ‘за оплату’		

Таким образом, конструкты с ВПК *-killer* обозначают некий неодушевленный предмет в отличие от самостоятельного существительного, которое указывает на человека как субъекта и объекта уничтожения.

Имя прилагательное *reif* ‘зрелый, созревший’ означает, что растение прошло все стадии развития и готово для сбора урожая (‘im Wachstum voll entwickelt und **für die Ernte, zum Pflücken geeignet**’). Из данного концепта извлекается компонент ‘необходимость (скорейшей уборки)’, который становится основой значения ВПК и фиксируется конструкцией [... *-reif*] (72), ср.: *-reif* ‘die beschriebene **Person** oder **Sache** hat **etwas dringend nötig**’ (описываемое лицо или предмет срочно в чем-л. нуждается). Круг объектов, заполняющих конструкцию, расширяется – *krankenhausreif* ‘нуждающийся в срочной, немедленной госпитализации’, *urlaubsreif* ‘нуждающийся в отпуске’ и др. Одновременно расширяется тематическая принадлежность имен существительных в роли «субъект», о чем свидетельствуют слова-индикаторы *Person* ‘лицо’ и *Sache* ‘вещь’ в дефиниции ВПК *-reif*.

Адъективная конструкция [... *-abhängig*] (65) имеет два значения. Так, ВПК *-abhängig* в лексико-семантическом варианте 1a сохранил значение самостоятельной единицы *abhängig* (1a), ср.: *abhängig* ‘durch etwas bedingt, bestimmt; von etwas entscheidend beeinflusst’ (определяемый, обусловленный чем-л.; что-л., находящийся под значительным влиянием чего-л.) – *-abhängig* ‘durch etwas bestimmt, von etwas entscheidend beeinflusst’ (определяемый чем-л., зависящий о чего-л.), например: *leistungsabhängig* ‘зависящий от

результатов'. В этом случае *-abhängig* трактуется как компонент сложного слова (КСС). В значении 1b ВПК претерпевает расширение значения по сравнению со значением 1с самостоятельной единицы, ср.: *abhängig* 'in krankhafter Weise körperlich stark **an Genuss-, Rauschmittel o. Ä.** gebunden, darauf angewiesen' (быть зависимым от изделий вкусовой промышленности, наркотических средств и под.) – *-abhängig* 'körperlich und psychisch **von etwas** abhängig, **auf etwas** angewiesen' (имеющий болезненную физическую и психическую зависимость от чего-л.), например: *wetterabhängig* 'зависимый от погодных условий (метеозависимый)'. Новыми семами ВПК являются 'психическая зависимость', а также объект самой зависимости, который не ограничен (ср. у *abhängig* → *Genussmittel, Rauschmittel o. Ä.*), а имеет открытый слот «от чего зависимый» (ср. у *-abhängig* → *auf etwas angewiesen*), который заполняется значениями различной тематики. Таким образом, можно сделать вывод, что во втором значении (1b) компонент претерпевает расширение значения за счет открытого слота «объект: от чего зависимый».

Описанные примеры субстантивных и адъективных конструкций с ВПК являются яркими примерами грамматикализации в словообразовании современного немецкого языка. Данные ВПК не теряют связи с самостоятельным коррелятом, а сосуществуют в языке. Примеров ВПК, которые полностью утрачивают семантическую связь с коррелятом и у которых формируется суффиксальный статус, немного: в сфере имен существительных – *-werk, -zeug, -kunde, -bild, -wut*; в сфере имен прилагательных – *-fest, -bewusst, -mäßig, -verdächtig*. Данные компоненты сохраняют семы коррелята, которые были в структуре его первоначального (этимологического) значения, однако утратились в ходе развития и отсутствуют (или устарели) в современной дефиниции самостоятельной единицы.

Суффикс *-bild* не имеет связи с самостоятельным существительным *Bild* 'картина, фотография, изображение'. Суффикс наследует утраченное самостоятельное значение коррелята и обозначает лицо с негативным оттенком, ср.: *Weibsbild* '1. (ugs., bes. südd., österr.): Frau. 2. (salopp abwertend) Weib' ((разг., в особ. юж.-нем., австр.) женщина; 2. (жарг., негат.) баба); *Mannsbild* '(ugs., bes. südd., österr.): Mann (meist mit Betonung des Körperlichen, Äußeren der männlichen Gestalt)' ((разг., в особ. юж.-нем., австр.): мужчина (с акцентом на физическом и внешнем мужском виде)). Данное значение не представлено в структуре современного значения самостоятельной единицы *Bild*, однако присутствовало в средне-верхненемецком значении (нем.: mhd.) единицы, ср.: *Bild* (ЛСВ 5) '...mannsbild, weibsbild, frauenbild drücken aus mann, weib, frau, mhd.: 'in eins alden mannes bilde' (*mannsbild, weibsbild, frauenbild* выражают то же, что и *mann, weib, frau*) [16]. Этот пример является подтверждением десемантизации и формирования суффиксального статуса лексической единицы.

Таким образом, динамические процессы (грамматикализация) имели место и ранее – в диахронии. Но на современном этапе, т. е. в микро-синхронии, эти процессы характеризуются особой интенсивностью и имеют иные качественные и количественные признаки.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Givón, T.* Historical syntax and synchronic morphology: an archaeologist's field trip / T. Givon // Chicago Linguistic Society 7. – 1971. – № 1. – P. 394–415.
2. *Кубрякова, Е. С.* Что такое словообразование / Е. С. Кубрякова. – М. : Наука, 1965. – 78 с.
3. *Зуев, А. Н.* Словарь словообразовательных элементов немецкого языка / А. Н. Зуев [и др.] ; под рук. М. Д. Степановой. – М. : Рус. яз., 1979. – 536 с.
4. *Мейе, А.* Основные особенности германской группы языков / А. Мейе. – Изд. 2-е, стер. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 164 с.
5. *Курилович, Е.* О методах внутренней реконструкции / Е. Курилович // Новое в лингвистике : сб. ст. – М., 1965. – Вып. 4. – С. 400–434.
6. *Жирмунский, В. М.* О границах слова / В. М. Жирмунский // Вопр. языкознания. – 1961. – № 3. – С. 3–21.
7. *Ахманова, О. С.* Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – Изд. 4-е, стер. – М. : КомКнига, 2007. – 569 с.
8. *Lehmann, Ch.* Grammaticalization: Synchronic Variation and Diachronic Change / Ch. Lehmann // Lingua e stile 20. – 1985. – № 3. – P. 303–318.
9. *Шершукова, Н. В.* Грамматикализация глагольных аналитических конструкций в разноструктурных языках : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Н. В. Шершукова. – Саратов, 2009. – 209 л.
10. *Майсак, Т. А.* Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции / Т. А. Майсак. – М. : Яз. слав. культур, 2005. – 480 с.
11. *Bybee, J. L.* The evolution of grammar: Tense, aspect and modality in the languages of the world / J. L. Bybee, R. Perkins, W. Pagliuca. – Chicago : University of Chicago Press, 1994. – 398 p.
12. *Зиндер, Л. Р.* Современный немецкий язык / Л. Р. Зиндер, Т. В. Строева. – Изд. 3-е, перераб. – М. : Изд-во лит. на иностр. яз., 1957. – 419 с.
13. *Зиндер, Л. Р.* Историческая морфология немецкого языка / Л. Р. Зиндер, Т. В. Строева. – Л. : Просвещение, Ленингр. отд-ние, 1968. – 263 с.
14. *Степанова, М. Д.* Словообразование современного немецкого языка / М. Д. Степанова. – М. : Изд-во лит. на иностр. яз., 1953. – 374 с.
15. Duden / Duden – Online [Электронный ресурс]. – 2020. – Режим доступа: <http://www.duden.de>. – Дата доступа: 11.10.2020.
16. Deutsches Wörterbuch von Jacob und Wilhelm Grimm. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://woerterbuchnetz.de/DWB/> – Дата доступа: 15.10.2020.